

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

Питер Уоттс. *Ложная слепота*

Питер Уоттс. *Эхопраксия*

Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*

Йен Макдональд. *Бразилья*

Адам Робертс. *Стеклоанный Джек*

Дэниэл Суарез. *Поток*

Грег Иган. *Город перестановок*

Джеймс Камбиас. *Темное море*

Сборник «*Край бесконечности*»

Тед Косматка. *Мерцающие*

Йен Макдональд. *Новая Луна*

Роберт Чарльз Уилсон. *Хронолиты*

Ричард Морган. *Видоизмененный углерод*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

РИЧАРД МОРГАН

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)
М79

Серия «Звезды научной фантастики»

Richard Morgan

BLACK MAN

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии
литературного агентства Синописис

Перевод с английского: *Ольга Кидвати*

В оформлении обложки использована

иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Copyright © Richard Morgan 2007
First published by Gollancz London.
© Ольга Кидвати, перевод, 2017
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Эта книга посвящается памяти моей матери,
Маргарет Энн Морган, научившей меня
неукротимо и яростно ненавидеть ханжество,
жестокость и несправедливость, презирать лицемерие,
которое заставляет отводить взгляд или находить
порокам удобные оправдания, если они бросаются
в глаза сильнее, чем нам хотелось бы.
Я скучаю по тебе.

Представляется вероятным, что в наступившем столетии человеческое естество может быть модифицировано научными методами. Если так, то сделано это будет бессистемно и станет результатом сражений в той мрачной области, где борются за контроль большой бизнес, организованная преступность и скрытые части правительственных структур.
Джон Грей¹ «Соломенные псы»

Для дискретного мышления «человек» — понятие абсолютное.
Никаких полумер нет и быть не может.
И вот это — источник многих зол.
Ричард Докинз «Капеллан дьявола»

¹ Джон Николас Грей — британский политический философ.

БЛАГОДАРНОСТИ

Это было тяжело, и я обязан очень многим. Чтобы написать «Черного человека», я кланчил, заимствовал и крал, где только можно.

Поскольку роман научно-фантастический, начнем с науки.

Замысел о «модификации тринадцатая» возник благодаря рассуждениям Ричарда Рэнгема¹ о снижении человеческой агрессии, описанным в великолепной книге Мэтта Ридли² «Натура через воспитание». Я весьма вольно обошелся с его идеями, и тринадцатые в том виде, в котором они предстают в книге, никоим образом не иллюстрируют мысли мистера Рэнгема или мистера Ридли. Эти господа предоставили мне трамплин — а в конечных безобразиях виноват я один.

Концепция искусственных хромосомных платформ тоже позаимствована, в данном случае — из заворажива-

¹ Ричард Рэнгем — британский ученый, приматолог, исследователь эволюции человечества.

² Мэтт Ридли — британский журналист и автор научно-популярных книг.

вающей и слегка пугающей книги Грегори Стока¹ «Переконструирование человека», которая, наряду с «Натурой через воспитание» и блестящими произведениями Стивена Пинкера² «Чистый лист» и «Как работает разум», вдохновила большую часть моих фантазий относительно генетической науки будущего. Повторю, искажение или неверная трактовка этих выдающихся работ всецело на моей совести.

Хотя интуитивные функции Ярошенко и являются моим собственным изобретением, оно в немалой степени вдохновлено вполне реальным исследованием, проведенным в социальных сетях, описанным в книге Марка Бьюкенена³ «Маленький мир». А еще я обязан лично Ханну Райяниemi из Эдинбургского университета, уделившему мне время, чтобы объяснить (вернее, попытаться) квантовую теорию игр и ее потенциальное применение, что дало мне базис для Новой Математики и ее трудноуловимых, но далеко идущих социальных последствий. Я также должен поблагодарить Саймона Спэнтона, выдающегося редактора, который терпеливо помогал мне создавать техническую базу криокэпирования пассажиров во время перелета по маршруту Марс—Земля.

В политической сфере на меня сильно повлияли две очень глубокие и столь же депрессивные книги о Соединенных Штатах Америки: «Правая нация» Джона

¹ Грегори Сток — американский биофизик, предприниматель и автор бестселлеров.

² Стивен Пинкер — канадско-американский ученый, работающий в области психологии, когнитивной науки и психолингвистики, автор научно-популярных книг.

³ Марк Бьюкенен — американский физик и научный обозреватель.

Миклтуэйта и Адриана Вулдриджа и «Что случилось с Америкой?» Томаса Франка, а также блестящая и чуть менее удручающая книга Сьюзан Фалуди «Одураченные». Они стали питательной средой для концепции Раскола и поднятых в «Черном человеке» гендерных тем, а Конфедерированная Республика (или Иисусленд) была вдохновлена знаменитым ныне мемом «карта Иисусленда», порожденным, если верить «Википедии», неким Дж. Веббом на форуме uakuyak.org. Отлично, Дж.! Особая благодарность причитается также Алану Биттсу из книжного магазина «Бордерленд букс», который выслушивал за виски и шаурмой мои излияния и ссужал мне некоторое количество просвещенного американского мнения, которым я мог отшлифовать то, что у меня уже имелось.

Представлением о возможном будущем (и крайне превратно понятом прошлом) ислама я обязан Тарику Али¹ («Столкновение фундаментализмов»), Карен Армстронг² («Ислам. Краткая история от начала до наших дней») и отважной Иршад Манджи³ («Проблема с исламом сегодня»). Тут я тоже изрядно все исказил, и изложенное в «Черном человеке» положение дел порой может не иметь никакого отношения к тому, под чем подписались бы эти авторы.

И, наконец, я бесконечно благодарен всем, кто так терпеливо ждал, повторяя, что я могу не спешить.

¹ Тарик Али — британско-пакистанский общественный деятель левого толка, писатель и публицист.

² Карен Армстронг — британская писательница, философ и религиовед.

³ Иршад Манджи — канадская феминистка, общественная деятельница, писательница, ученый.

Саймону Спэнтону — опять! — и Джо Флетчер из издательства «Виктор Голланц», Крису Шлюпу и Бетси Митчелл из «Дель Рей», моему агенту Кэролин Уитакер и, последним, но не по значимости, — всем тем доброжелателям, которые на протяжении 2006 года слали мне электронные письма с соболезнованиями, утешениями и поддержкой. Без вас этой книги не существовало бы.

ПРОЛОГ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Блистающая сталь, и еще раз, и еще...

Ларсен моргает и слегка шевелится на автоматизированной каталке, пока та ползет под световыми панелями и поперечными распорками потолка. Сознание, как и зрение, размытое, замедленное; она в верхнем коридоре. От каждой металлической балки отражается свет, переходит от легкого мерцания к яркой вспышке и обратно, пока она проезжает вниз. Она думает, что ее разбудили повторяющиеся сполохи. Или они, или ее колено, которое зверски болит, несмотря на привычный дурман сильнодействующих декантирующих препаратов. Одна рука покоится на груди, вжимаясь в тонкую ткань трико для криокэппирования. Холодящий кожу воздух говорит ей, что больше на ней ничего нет. Ужас дежавю прокрадывается внутрь вместе с пониманием. Она кашляет: в основании легких, из которых откачали воздух, еще осталось ничтожное количество геля. Она снова шевелится, бормочет что-то про себя.

...снова, нет?..

— Да, снова. Наследство от баклана, да, снова.

Это странно. Она не ожидала услышать чужой голос, который вдобавок говорит загадками. Обычно декантация — полностью механизированный процесс, запрограммированный так, чтобы разбудить пассажиров перед прибытием или если что-то пойдет не так...

Так ты теперь большой знаток криокэппирования, верно?

Вовсе нет — весь ее предыдущий опыт сводится к трем испытательным декантациям и одной реальной, во время рейса, в самом конце путешествия. Отсюда, по ее мнению, и дежавю. Но все же...

...больше, чем три...

...их не больше, не больше...

Она возражает сама себе запальчиво и почти истерично, ей это не нравится. Если бы она услышала подобные ноты в голосе другого, скажем в голосе испытуемого, то подумала бы об успокоительном, может, позвала охрану. Вдруг в голове легонько засвербело и похолодело — так бывает, когда осознаешь, что в твоём доме есть кто-то еще, кто-то, кого ты не звал. Или когда ни с того ни с сего возникает мысль, что ты, возможно, не в своем уме.

Это все из-за препаратов, Элли. Не обращай внимания, потери.

Блистающая ст...

Автокаталку слегка трясет на повороте вправо. По какой-то причине пульс начинает бешено частить — реакция, которую она, будучи одурманенной наркотиками, почти лениво определяет как панику. Дрожь подступающего несчастья, неизбежного, струится сквозь нее, будто холодная вода. Они разобьются, они врежутся во

что-нибудь, или что-нибудь врежется в них, что-нибудь огромное и древнее, выходящее за рамки человеческого разума, бесконечно кружащее в необитаемой ночи за пределами корабля. Космические путешествия небезопасны, даже думать об этом было безумием, а подписать контракт и полагать, что безрассудство останется безнаказанным, что она сможет вернуться домой целой и невредимой, словно из суборбитального полета через Тихий океан, да ты просто не можешь...

Забей, Элли. Это просто наркотики!

Потом она осознает, где находится. Боковым зрением видит складные паучьи лапки автохирурга, а каталка тем временем фиксируется в слотах на смотровой площадке. Приходит облегчение. Что-то не так, но хотя бы место правильное. «Гордость Хоркана» оборудована самой лучшей автоматизированной медицинской системой; КОЛИН делает технику на славу, она читала в «Колониальных новостях». Все бортовые искусственные интеллекты тщательно осмотрены и отремонтированы за пару недель до вылета. *Слушай-ка, Элли, есть предел тому, что может пойти наперекосяк с криокэпированным телом, верно?* Органические функции замедлены до предела, так что болезни, в случае чего, особо не развернутся.

Но паника и ощущение неотвратимой беды не уходят. Она чувствует их, как собака — конечность под анестезией: глухо, неотступно.

Она поворачивает голову на каталке и видит его.

Ощущение чего-то знакомого, теперь более острое, ударяет, как током.

Однажды во время поездки по Европе она зашла в Museo della Sindone, музей Святой Плащаницы в Ту-

рине, и увидела отпечаток измученного лица на ткани. Она стояла в полумраке по ту сторону пуленепробиваемого стекла, окруженная благоговейным шепотом верующих. Никогда и ни во что не верившая, Ларсен была сильно тронута жесткими линиями худого лица, смотревшего на нее из герметичной вакуумной камеры. Это было свидетельство человеческих страданий, которое совершенно не вязалось с заявленной божественной природой, и молитвы ему казались неуместными. Глядя на это лицо, поражаешься незамутненной упрямой стойкости органической жизни, передавшейся по наследству неотъемлемой, упорной способности не поддаваться, которой одарили нас долгие века эволюции.

Это мог бы быть он. Здесь, сейчас.

Он опирался на высокий угловой шкафчик, уставившись на нее, жилистые руки-канаты скрещены на костлявой груди (она может разглядеть ребра даже сквозь футболку), прямые длинные волосы свешиваются по обе стороны узкого лица, и оно кажется еще более худым от боли и какой-то жажды. Рот сомкнут в линию, вытравленную между острым подбородком и бритвенно-узким, костистым носом. Щеки под скулами запали.

Сердце в груди замедляет пульсацию, когда ее глаза встречаются с его.

— В чем... — С этими словами в ней вскипает ужасное понимание, чудовищное осознание того, что ее разум все еще старается избежать. — Дело в моем колене? В моей ноге?

Внезапно откуда-то находятся силы, она приподнимается на локтях и заставляет себя смотреть.

Взгляд вступает в борьбу с воспоминанием.

Пронзительный крик рвется из нее, продрав на мгновение окутавшую тело паутину наркотиков. Она не знает, как слабо звучит голос в пространствах операционной, внутри от крика разрываются уши, вместе с ним приходит знание, от которого темнеет в глазах и отключается разум. Она знает, что кричит не от того, что увидела.

Не от картины аккуратно перебинтованной культи, которой в двадцати сантиметрах ниже бедра оканчивается ее правая нога; не от этого.

Не от внезапно пришедшего осознания, что боль в колене — это фантомная боль в конечности, более ей не принадлежащей; не от этого.

Она кричит от воспоминания.

От воспоминания о едущей по тихому коридору каталке, мягком толчке и повороте в операционную, и потом, в наркотической дымке — о нарастающем визге дисковой пилы, резко изменившемся, когда та впилась в плоть, и слабое, подсасывающее шипение прижигающего лазера после этого. От воспоминания о недавнем прошлом и тошнотворного, до самых глубин души понимания того, что скоро все это случится снова.

— Нет, — хрипит она. — Пожалуйста.

Длиннопалая рука дружески давит на ее лоб. Сверху нависает лик с Туринской плащаницы.

— Тсссс... баклан знает, почему...

За лицом она видит движение. И знает, помнит, каким оно будет. Движение паучьих лапок разбуженного автохирурга, бесшумных, негнущихся.

Блистающая сталь...